

К 100-летию со дня рождения А. Н. Толстого

Классик советской литературы

По следам героев писателя

ТВОРИТЬ с фамилией Толстой после великого Льва Толстого обязывало очень ко многому. И у коллег-писателей, и у читателей возникали невольные ассоциации и особая, придиричивая внимательность. Алексей Николаевич Толстой с честью выдержал это нелегкое испытание, предначертанное ему литературной судьбой. Великая тень не заслонила его дарования: его творчество признали, оценили и полюбили миллионы людей во всем мире.

«Все в Алексее Толстом было талантливым, — отмечал писатель Владимир Линд. — Огромной мерой был ему отпущен талант, и его таланту писателя сопутствовало много других талантов».

Первые стихи А. Толстого, написанные на заре нашего века, обратили на себя внимание «отца русского символизма» Валерия Брюсова. Первые рассказы удостоились высокой оценки Максима Горького. С юношеских лет литература стала жизнью Толстого, а жизнь — служением России и ее народу, без которых он не мыслил себя.

Октябрьскую революцию Толстой вначале не понял. С 1918 года он находился в эмиграции — во Франции и Германии. Но в 1923 году вернулся на родину. Перед отъездом опубликовал «Открытое письмо Н. Чайковскому» — одному из руководителей контрреволюционной эмиграции. В этом письме А. Толстой называл Советскую власть единственной реальной силой, защищающей свободу русского народа и отстаивающей независимость русского государства.

На дверях его московской квартиры сверкала медная дощечка с выгравированной надписью: «Гр. А. Толстой». Писатель не снимал ее. «До революции, — шутил он, — это «Гр.» означало «граф», после революции — «гражданин». Но гражданином он был и оставался всегда — и в годы эмиграции, и в годы плодотворного творчества на Родине. Гражданственность и патриотизм помогали ему оставаться самим собой, выдерживать испытания, находить верную дорогу.

«Две страсти жили в этом человеке, — отмечал близко знавший его Илья Эренбург. — Любовь к своему народу и любовь к искусству. Он скорее почувствовал, чем логически понял, что писать вне России не сможет. А любовь к народу была такова, что он рассорился не только со своими друзьями, но и со многим в самом себе — поверил в народ и поверил, что все должно идти так, как пошло».

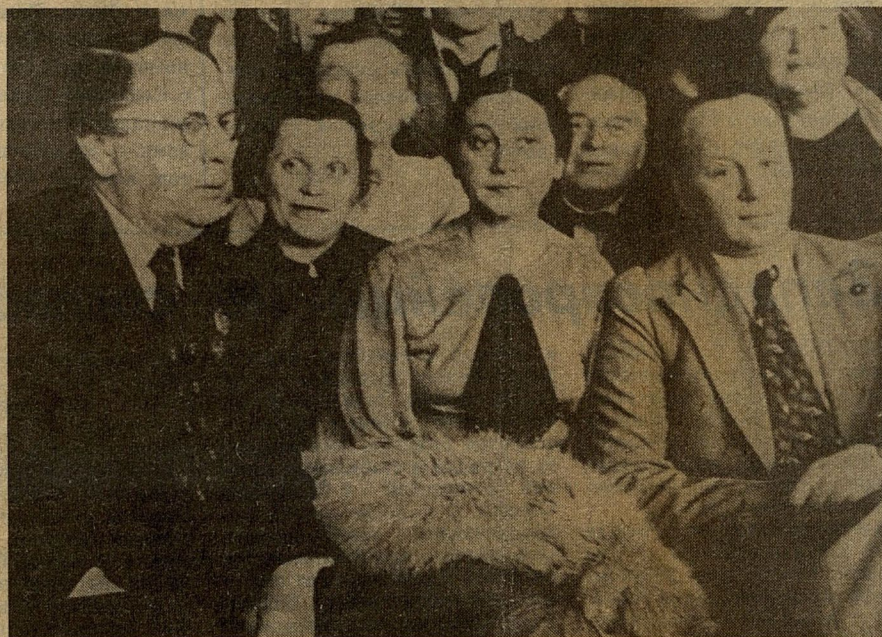
Он был жизнелюбом, веселым собеседником и непреклонным в своих убеждениях человеком. Вот один из характерных штрихов к его портрету. Однажды в парижскую гостиницу, где жил Толстой, зашел его знакомый — негр. Живший в том же отеле американец грубо потребовал, чтобы негр удался. Толстой пробовал его урезонить, а когда это не удалось, просто спустил ра-

систа с лестницы при одобрительных возгласах постояльцев-французов.

Он, как никто, знал русский язык и чувствовал его подобно тому, как тонкий музыкант чувствует музыку. На это обращают внимание все исследователи его творчества. А. Толстому принадлежит особая роль в создании большой эпической формы в советской прозе, он — признанный новатор в области исторического жанра.

Писатель поведал миру о муках и желаниях Ивана Грозного и о железной воле Петра Великого. Он рассказал о ясной, совсем не загадочной душе русского солдата, сломившего в годы Великой Отечественной войны фашистскую машину, о судьбах русской интеллигенции и смысле жизни. Все, что было связано с Россией, ее народом, было дорого его сердцу. России, ее людям, ее прошлому, настоящему и будущему посвящены его книги, переведенные на множество языков.

«Детство Никиты» и «Золотой ключик», «Хромой барин» и «Рассказы Ивана Сударева», «Гиперболоид инженера Гарина» и

«Аэлита», «Хождение по мукам» и «Петр I». Эти произведения — желанные спутники читателя, по ним сделаны театральные постановки, теле- и кинофильмы.

Алексей Толстой принадлежит не только истории русской советской литературы, но и ее сегодняшнему дню. Это можно утверждать совершенно определенно.

Г. ПЕТРОСЯН,
обозреватель АПН.

ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ фотоснимок. На нем — Алексей Николаевич Толстой. В памяти осталась встреча с писателем...

Ярославль, 1939 год. Я, шестнадцатилетний парнишка, — студиец театра имени Ф. Г. Волкова. В спектакле «Петр Первый» получил небольшую роль старика-иеромонаха. Сшили мне клобук с черепом и костями, одели в черный балахон, приклеили бороду. Гримировали не только лицо, но и руки, чтобы пальцы были выскошенные, как у скелета, и зубы закрашивали, чтоб рот был провалом.

На премьеру приехал из Москвы сам Толстой. В один из антрактов, проходя за кулисами, он столкнулся со мной в узком проходе. Я отступил в сторону. Но писатель сам посторонился, давая дорогу «древнему монаху». Он, как видно, не догадывался, что под

знакомилась ближе. Он убеждал меня съездить в Переяславль, посмотреть там ботик Петра.

— Другого такого корабля нигде не увидите! Через некоторое время я получил от Алексея Николаевича книгу «Петр Первый» с такой надписью: «Боре Челышеву — самому юному «монаху» с теплым чувством автор — Алексей Толстой».

Не прошло и двух лет с тех дней, как в «Правде» и «Красной звезде» я читал статьи Толстого, призывающие к разгрому фашизма.

...На столе у меня — документы руководителей партизанского полка имени Сергея Лазо: письма, фотографии, воспоминания, вырезки из фронтовых газет. И тут же — «Рассказы Ивана Сударева» Алексея Толстого. Вот начало второго очерка:

«Со стороны села по дороге, бледно синевшей санным следом, шел в ушасть шапке низенький паренек, вернее, катился, расстегнув полушубок, размахивая в помощь себе руками».

Увязнув в снегу по пояс, он перевалился через плетень во двор, не здороваясь, сдернул шапку, — от стриженной головы его поднялся пар, — достал из шапки синеватый листочек.

— С самолета сбросили!.. Этого паренька звали Андрей Юденков».

Дальше Толстой рассказывает, как директор школы в Ельне Василий Васильевич Казубский и Андрей Юденков во время немецко-фашистской оккупации Смоленщины сколотили партизанский отряд, который позднее разросся в полк.

Как появился этот рассказ у Толстого?

Летом 1942 года Алексей Николаевич ездил к бойцам и командирам 1-го гвардейского конного корпуса под командованием генерала П. А. Белова. Редактор «Красной звезды» тех лет Д. Ортенберг рассказывает о том, как в Барвихе встретились с Толстым руководители партизанского движения:

«К сожалению, из участников беседы с Толстым в Барвихе запомнились только два человека — Василий Василье-

вич Казубский и Андрей Федорович Юденков, чьи имена встречаются в «Рассказах Ивана Сударева». Казубский командовал партизанским полком имени Сергея Лазо. Юденков был комиссаром партизанского полка».

Возможно, я не обратил бы тогда внимания на этот момент из воспоминаний о Толстом, если бы не одно обстоятельство. В руки мои попал список участников партизанского полка «Лазо», живущих и ныне в разных городах и селах. Первым в списке значился Казубский, а вторым Юденков. Тот самый Юденков! Жив ли он? Где я отыщу его?

Поиски не были ни длительными, ни особо трудными. Андрей Федорович Юденков — ныне профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС, автор многих книг и статей, в том числе и воспоминаний о партизанах-лазовцах.

Не откладывая дела в долгий ящик, я решил написать московскому профессору. Ответ вскоре пришел. Андрей Федорович писал, что в «Рассказах Ивана Сударева» А. Н. Толстой передает эпизоды, которые были в действительности. Однако есть некоторые неточности, имеющие частный характер. Ну, например, у Толстого Андрей — «низенький паренек», а Юденков, наоборот, высокого роста.

Юденков в свое время написал об этом Толстому, и тот пообещал в следующем издании исправить неточности, но, как видно, не успел...

Писатель и общественный деятель А. Толстой боролся за высокую культуру, которую не мыслил без мира во всем мире. «Мир — первое условие развития культуры!». Эти слова не раз произносил он с трибуны международных форумов.

Б. ЧЕЛЫШЕВ,
доцент Тираспольского пединститута имени Т. Г. Шевченко.

НА СНИМКЕ: А. Н. Толстой с артистами театра имени Ф. Г. Волкова.

1939 г.

Фото из архива автора.